

ДОЧЬ ЧИНОВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Повесть

Не сердись за правду!

В наш век, в разврате утучневший, просит

Прощенья у порока добродетель

И ползает, моля о позволенье

Творить добро ему же...

Шекспир.

ГЛАВА I

Уста мои сомкни молчаньем,

Все чувства тайной осени;

Да взор холодный их не встретит

И луч тщеславья не просветит

На незамеченные дни...

Веневитинов.

Чинovníку Теребенъину лет около шестидесяти; у него темные волосы с проседью, обстриженные под гребенку; маленькие глаза, почти без движения, цвета болотной воды, и толстые губы. Он небольшого роста и всегда носит вицмундир. Белый галстук несколько раз обвертывается кругом его шеи; этот белый галстук по утрам, в должности, бывает на нем не совсем чист, хотя, по словам его, он носит белые галстуки именно только для чистоплотности. "На черных-де, - говорит он, - незаметна грязь, а на белом вот сейчас так и видно малейшее пятнышко". У него три вицмундира: одни весь истертый по швам, который он носит в департаменте, другой поновее, который он обыкновенно надевает по воскресным и табельным дням, также отправляясь куда-нибудь в гости к приятелям на бостончик или на вистик; третий, совершенно новый, хранится собственно для директорских обедов и вечеров. На днях Осип Ильич (так звали г-на Теребенъина) за долговременную и усердную службу представлен к награждению. Недавно он променял в Гороховой улице у часовых дел мастера свои старинные, толстые, серебряные часы на серебряные же потонее. "Те, - говорит он, - в форме луковицы, кроме своей тяжести, весьма неудобны были для ношения, потому что совершенно препятствовали застегнуть вицмундир. Как застегнешь его, сейчас образуется горб на левом боку. Оно и некрасиво, да и трется это место скорее. А жаль, - прибавлял он, - часы были верные: только четыре раза в год поверять отдавал". До мая 1826 года Осип Ильич носил гусарские сапожки без кисточек; с мая 1826 года он носит узенькие панталоны без штрипок, подбирающиеся кверху, когда он садится. Чин действительного статского советника - любимейшая его фантазия, цель, к которой он направляет все свои действия: если он сидит, сморщив брови и шевеля губами, он наверно размышляет о чине действительного статского советника; если ходит от одного угла комнаты до другого скорыми шагами, приставив указательный перст к середине лба, он думает: "Какими бы средствами поскорее достичь до такого почетного чина? Генерал! гм! Оно хоть и не совсем вельможа, а все-таки наравне с знатью. - Ваше превосходительство, Осип Ильич! - Что вам надобно? - Его превосходительству Осипу Ильичу! - А! это Теребенъину. - Вашему превосходительству, Осипу Ильичу, известно, что... Да, да, славный чин действительный статский советник, и титулование приятное! Как бы это поскорее хоть в статские советники? Что ж? почему мне не быть действительным статским советником? почему?... Да чем же лучше меня Захар Михайлович? чем?" Осип Ильич терпеть не может ничего книжного и совершенно презирает всех писателей. Он никогда ничего не читает из печатного, кроме Адрес-календаря, Месяцеслова, Санкт-Петербургских и Сенатских ведомостей. "Писатель! ну что ж? эка штука, писатель! - часто говаривал он. - Что в них, в этих писателях? пользу, что ли, какую приносят? Деловому человеку не очень есть время читать их побасенки-то.